Иван Запечин

Жил-был старик, у него было три сына, старшого звали Васильем, средняго Петром, а третьяго Иванушкой Запечиным. Первые занимались пашнею и были щеголеваты и тороваты, а третий был так себе, простак, и любил в лес ходить, по-грибы, а дома все больше на пече сидел. Отец их дожил до глубокой старости, стал умирать и наказывает своим детям: «Когда я помру, вы ходите ко мне на могилу по три ночи, поочередно, и приносите с собою хлеба». Дети обещались. Отец умер, и пришла очередь старшему сыну идти к отцу на могилу, а он боится и говорит младшему брату: «Ваня, замени ты меня эту ночь, сходи вместо меня к отцу на могилу, я тебе за это пряник куплю и новую плетеньку сплету по грибы ходить». Ваня согласился. Пришла первая ночь, и пошел Ваня к отцу на могилу. Когда наступила полночь, отец выходит из могилы и говорит: «Фуфоньки, фуфоньки! Есь ли тут старший мой сын, и скажи, что делается на Руси — собаки ли лают, волки ли воют, или мое чадо ревит?» Отвечает Ваня: «Есть сын твой, и на Руси все спокойно». Тогда отец наелся и лег в могилу, а Ваня отправился домой, с попутья грибов набрал. Пришел домой, старший брат и спрашивает: «Что, Ваня, видел отца? Ел он?» — «Видел, — отвечает Ваня, — отец досыта наелся». Приходит другая ночь, и надобно идти среднему брату, но и тот тоже боится и говорит Ивашке: «Ваня, сходи за меня к отцу на могилу, замени меня, я тебе лапти сплету». Ваня говорит: «Ладно». Приходит ночь, пошел Ивашко к отцу на могилу. В полночь отец идет и говорит: «Фуфоньки, фуфоньки! Есь ли мой средний сын Петрунька? Скажи, что на Руси делается — собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое ревит?» Ваня отвечает: «Есть, на Руси все спокойно!» Отец опять наелся и лёг в могилу, а Ивашка пошел домой, а с попутья набрал грибов. Пришел домой, средний брат и спрашивает: «Видел отца?» Отвечал Ваня: «Видел». На третью ночь очередь идти самому Ивашку. Он и говорит братьям: «Братцы! Вы обещались меня заменить, ступайте эту ночь вы к отцу, а я отдохну». Братья отвечают: «Тебе стало там знакомо, поди с Богом». Иван и пошел. Пришол к могиле и сидит. В полночь выходит отец из могилы. «Фуфоньки, фуфоньки! Есь ли тут младший мой сын Иван? Скажи, что делается на Руси — собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое ревит?» Ивашко отвечает: «Есть, на Руси все спокойно». Отец поел и говорит Ивану: «Ну, сын, если ты один исполнил мой наказ, то твое и счастье. Вот тебе узда, поди ты в чистое поле, кликни богатырским голосом, сосвищи

соловьиным посвистом и скажи: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой». И когда конь к тебе прибежит, зайди ты в право ухо и умоешься, а в лево — снарядишься». Ивашко взял узду и пошел в чисто поле; крикнул он богатырским голосом, свиснул соловьиным посвистом: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань предо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, а из ушей дым столбом валит. Прибежал, стал, как вкопаный. Тогда Ивашка в право ухо вошел, умылся, а в лево зашел, срядился и стал куда какой молодец. Сел на коня, проехался, потом снял узду и отпустил коня в чисто поле гулять, а сам опять наломал грибов, пошел домой и залез на печь. Братья спрашивают его: «Что, Ивашка, видел отца? Ел он?» Ивашко отвечал: «Видел, наелся и ушел в могилу».

В то время от царя дано было повеление по всей стране, чтобы все люди молодые-холостые приезжали бы в столицу; у царя есть единственная дочь, и желает она иметь мужа такого, который бы хорошо ездил на лошадях. Дошло это повеление до братьев. Старший и средний стали сряжаться, а младший Ивашко и говорит братьям: «Примите и меня с собой». Они говорят: «Куда тебе, запечину, ехать, сиди на печи и ешь грибы». Братья срядили своих коней и поехали, а Ивашко сошел с печи и говорит невесткам: «Дайте-ко мне корзину, я пойду по грибы». Вышел Иван в чисто поле, крикнул богатырским голосом, свиснул соловьиным посвистом: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань предо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, а из ушей дым столбом валит. Иван погладил коня, в право ухо зашел — умылся, а в лево вошел — срядился и стал красавцем; сел на коня, в руки взял шелковую плетку и помахивает. Приехал к царскому двору Ивашка, увидел и братьев своих, сидевших на своих добрых конях. Они его не узнали. Вышел царь к народу и говорит: «У меня есть единственная дочь, которая в третьем этаже, и кто из вас, молодцы, выскочит на своем коне до ея окошка и соймет с правой руки перстень, будет ея женихом». Тогда начали скакать, но все не могут. Какой выскочит до первого этажа, а самые выходные до второго; вдруг едет всадник-молодец, размахивает шелковой плеткой, и все дают ему дорогу; выскочил чуть не до самого окошка и сейчас же прочь поехал; увидал на дороге братьев, они ему поклонились, а он их вместо ответа плеткой. Тут закричали: «Держи, держи его!» Но его уже и след простыл. Не доехал до дому, отпустил своего коня, а сам набрал поганок и пошел домой. Пришел домой, подал грибы невесткам, а сам уполз на печь. Приезжают и братья и рассказывают, как были у царя и какая красавица у него дочь, а они непременно и завтра поедут; что был один молодец лучше

и удалее всех, и немного не доскочил до окна царевны, и поехал так прытко, что и удержать его никто не мог, а только мы успели раза два-три стегнуть его плетью. Ивашка и говорит: «Не я ли, братцы, был?» — «Где тебе сопляку, запечину!» На другой день братья опять сбираются ехать к царю, Ивашко опять с ними просится, но они говорят: «Сиди на печи и ешь грибы». Средились братья и поехали; а Иван сполз с печи, берет корзинку и идет в лес. Вышел в чисто поле и крикнул богатырским голосом, свиснул соловьиным посвистом: «Сивка-бурка, вещий каурка», и проч. Конь прибежал, Ивашка влез в право ухо — умылся, а в лево вышел — снарядился и стал прекрасный молодец, сел и поехал. Приехал Иван-молодец к царскому терему, увидел и своих братьев; царевна сидит у окошка. Начали скакать; какие тут выскочили до первого этажа, какие до второго. После всех вдруг летит молодец, посвистывает, и все ему дали дорогу, и выскочил до самого окна, где сидела царевна, и только что не успел снять колечка с руки царевны, и сейчас же и поехал. Тут закричали: «Держи, держите его». Но у его и след простыл. На перепутьи не забыл он братьям дать по стеже (так!) плеткой. Не доехавши до дому, опустил своего добра коня в чисто поле гулять, а сам набрал грибов и поганок, пришел домой и забрался на печь. Приезжают и братья и рассказывают, как они скакали, и как один молодец выскочил до самого окна царевны, и только не успел снять колечка с руки; а Ивашка и говорит: «Не я ли, братцы?» — «Где тебе запечину тут!» На третий день братья опять сряжаются ехать, и Ивашко с ними просится. «Куда ты к черту поедешь! Сиди на печи и ешь свои грибы». Братья уехали, а Ивашко опять берет корзину и пошол в лес. Вышел в чистое поле, крикнул богатырским голосом, а свиснул соловьиным посвистом: «Сивка-бурка, вещий каурка!» и проч. Конь прибежал, Ивашко в право ухо зашел — умылся, а в лево — снарядился и стал на этот раз еще красивее прежняго, и поехал за братьями. Царевна давно уже дожидалась доброго молодца; увидала Ивана и сейчас же опознала. Все перескакали, и ни один не мог выскочить даже и до окна. Выехал Иван молодец на своем коне и выскочил до самого окна, царевна ударила его кольцом своим в лоб и сделала печать, а он ее поцеловал, снял с руки перстень и поскакал обратно. Тут все закричали: «Держите, держите его!» Но его и след простыл. Подвернулись ему братья, а он их не забыл поподчивать плеткой. Не доехавши до дому, опустил своего доброго коня в чисто поле гулять, а лоб завязал, завязал и перстень на руке, потому он как жар горел. С попутья набрал на дороге поганок, пришел домой и улез на печь. Братья приезжают домой и жалятся друг другу, что спины их болят от плетки. Ивашко стал спрашивать их, каково они ездили и что видели; братья сердито отвечали: «Что тебе за

дело». Увидели — у Ивана лоб и рука завязаны и спрашивают: «Для чего, запечин, завязался?» — «Ходил по грибы да сучьем оцарапал». Лежал Иван на пече вечером и захотелось ему посмотреть на свой перстень, развязал он руку, и осветило всю комнату, братья испугались и закричали: «Что ты дурак делаешь?»

От царя были посланы гонцы по всему государству отыскивать человека, который поцеловал царевну и получил в лоб звезду, а на руку перстень. Доехали и до того места, где три брата жили. Смекнул наш Ивашко, в чем дело, и ушел скорее в лес. Возвратился с грибами, улез опять на печь. Пришел вечер, Ивашке опять захотелось посмотреть на свой перстень; развязал он руку, вдруг изба как будто загорела; братья испугались и закричали: «Что ты там, дурак, делаешь?» Ивашко и сам испугался, и стал перстень снимать; братья увидели и стали спрашивать: «Где взял? Продай перстень нам». Ивашко отвечал: «У меня не продажный, а заветный». Братья спрашивают: «Какой завет?» — «А дайте по ремню из спины вырезать». Они согласились. Вырезал Ивашко и положил в карман.

Вышло опять от царя повеление, чтобы нашли ему сорокопегую кобылу с сорока жеребцами. Братья Ивановы стали сряжаться, стал проситься и Ивашко. Братья ему не отказали и дали хромую кобылу; поехал Ивашко на этой кобылице в чисто поле, сдернул с нее кожу, мясо отдал сорокам и воронам на съедение, а кожу повесил на огород. Затем крикнул своего коня и поехал вперед; ездил, ездил весь день, а никакой кобылы не видал, так и пришел домой. На другой день братья опять стали сряжаться, стал и Ивашко с ними проситься. Братья сказали: «На чем ты поедешь? Разве на корове?» Братья уехали, Ивашко долго не думал, сел на корову и поехал. Схватились бабы доить корову, коровы нет. А Ивашко выехал в поле, кожу с коровы сдернул и повесил на огород, а мясо бросил сорокам да воронам на съедение. Потом крикнул опять своим богатырским голосом своему доброму коню, и конь предстал пред ним, как лист перед травой. Ивашко сделался молодцом и поехал; ездил, ездил и кобылу видел: она ела мясо его коровы, но поймать не мог. Приехал опять в поле, коня отпустил, а сам пешком пошел домой. И братья приехали. На третий день опять братья собираются в путь искать сорокопегую кобылу. Стал проситься и Ивашко; братья заругали, выбили его и уехали. Ивашко не остался. Ехать не на ком — ни лошади, ни коровы; были у них овца да собака, он тех запряг и поехал. Выехал в поле, кожу с них сдернул и повесил на огород, а мясо раскидал. Сам крикнул своего доброго коня и поехал искать кобылицу. Долго он ездил, не мог найти; наконец, увидел — ест говядину; наехал, схватил и

привел домой. Братья спрашивают его: «Где ты, запечин, взял?» — «Да это наша кобыла, с которой я кожу-то содрал, у ней кожа выросла другая, пегая, а жеребенки из кусков говядины, которую я раскидал». Братья и говорят Ивашку: «Продай нам эту кобылицу с жеребятами». Ивашко отвечает: «У меня не продажна, а заветна». — «А велик ли и завет?» — «А отрежте мне по мизинному пальцу».— Они согласились, отрезали. Пальцы он взял и положил в карман. На четвертый день сделал царь пир, и отдан был приказ, чтобы все были на пиру: старые, малые, холостые и женатые. Братья Ивашковы собираются к царю на пир с великою радостью и надеждою на большую награду. Стал и Ивашко с ними проситься, они его не взяли. Ивашко пошел за ними, пришел к царю и сел позади всех. Царь смотрит на сорокопегую кобылу с сорока жеребятами и хвалит Ивашковых братьев. Когда накрыли столы, царь сам стал угощать, но, обойдя всех, не мог опознать того человека, который удалее всех был. Тогда царевна сама пошла обносить всех медом; всех обошла, а кого надо, не нашла. И говорит: «Где те удалые молодцы, которые привели сорокопегую кобылицу?» Братья Ивашковы стали, она подошла к ним и усмотрела у них завязанные руки, и спросила: «Для чего у вас руки завязаны?» Они отвечают: «Когда имали кобылицу, она откусила у нас по пальцу». Царевна взяла у одного из братьев руку, опознала свой перстень и говорит: «А это где ты взял?» — «С руки вашей»,— отвечает старший брат. Царевна посмотрела ему в лоб, а звезды на лбу нет; она и говорит: «Перстень мой, а знака моего на лбу нет; это обман». И приказала заключить братьев в тюрьму. Тут царевна заметила Ивашку, он сидел позади всех, подходит к нему и подает ему чашу меда, а сердце у самой так и ощипнуло. Взглянула на него, а Ивашко весь в саже. Царевна его стала спрашивать: «Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?» — «Ушибся»,— отвечал Ивашко. Царевна лоб развязала, свет всех обнял, она и вскричала: «Вот где мой суженой!» Царь подходит и говорит: «Какой тут суженой!» Ивашко говорит: «Позволь мне, государь, умыться». Царь дозволил. Ивашко вышел, крикнул богатырским голосом и свиснул соловьиным посвистом: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, а из ушей дым столбом валит; прибежал и стал. Тогда Ивашка в право ухо зашел — умылся, а в лево — снарядился и стал молодец прекрасный. Сел он на добра коня и поехал к столу, где его дожидаются. Царевна коня обознала, да и на лбу звезда сияет. Добрый молодец подъехал, царь подходит, берет за руку Ивана Еруслановича, так назвал его царь, подводит к царевне и говорит: «Вот твой суженой!» Царевна отвечает: «Это-то хорошо. Но, добрый молодец, Иван Ерусланович! Где же у

тебя перстень мой?» Иван Ерусланович отвечает: — «Приведите моих братьев, тогда все узнаете». Братьев привели, они Ивана не опознали. Он стал спрашивать: «Где вы взяли персень?» Старший отвечает: «С руки царевны». — «А для чего у вас руки завязаны?» Они отвечали: «Когда имали мы сорокопегую кобылу, то она откусила нам по пальцу». Иван говорит: «У вас есть брат глупой, вы у его-то все это и отобрали». Руки братьям развязали, Иван вынял пальцы из кармана и подал братьям. «Вот ваши пальцы». Потом подал и ремни. Тогда царь гневно на них закричал: «Головы с плеч вам, дуракам!» Но Иван Ерусланович просил царя простить их. Царь простил. А затем стали свадебку играть. Я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

[Архив И. Р. Географ. о-ва. I. 57.]

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.

Смотрите также русские народные сказки со схожим сюжетом "Сивка-бурка, вещая каурка" и "Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь".